

С(448)

С 31 Михаил
СЕНИЭЛЬ
5050-к
ЛУННЫЕ НОЧИ

НОВИНКИ. СОВРЕМЕННОСТИ



Национальная библиотека ЧР



k-015030

150 30-к



НОВИНКИ-СОВРЕМЕННОСТИ

Михаил Сениэль

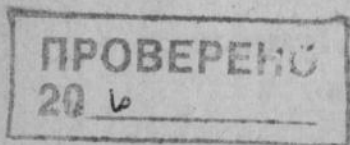
**Лунные
ночи**

*Стихотворения
и поэма*

Перевод
с чувашского

«Современник»
Москва · 1983

С(Чув)
С31



Сениэль М.

С31 Лунные ночи: Стихотворения и поэма
Пер. с чуваш. — М.: Современник,
1983. — 95 с.

В вып. дан.: Егоров Михаил Павлович.

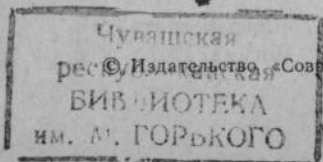
Основой сборника является поэма «Поляна уява». Уяв — древнечувашский праздник перед сенокосом, с которым поэт связывает любовь народа к родной земле.

Стихам М. Сениэля свойственны душевная открытость, взволнованная искренность. Лирический герой, приветствуя новизну жизни, в то же время воспекает лучшие традиции народа.

С $\frac{4702650000}{M 106 (03) - 83} - 119$ 251 — 83

ББК 83.3 Чув
С (Чув)

М 15 030 - К



Моей Чувашии

Все вынесла — и вспомнить тяжко! —
Года бесправья, нищеты.
Я говорю земле чувашской:
Была, и есть, и будешь ты!

Сегодня жизнь пришла иная,
Улыбки ваши — от души,
Чувашия, страна родная,
Родной народ мой — чувашки.

Отныне жизнь — не пляска смерти,
Ты, край родной, не пропадешь,
Когда полно друзей на свете,
Когда в большой семье живешь.

И снова песнь моя простая
Стремится влиться в голоса
Чувашии — родного края,
Чье имя — светло, как роса.

Возвысить бы его всей жизнью,
Заботой всей, тревогой всей.
Чувашия, моя отчизна,
Как мать, ты веришь в сыновей.

Нам край чужой не станет раем,
Пока горит в душе твой свет,

Чувашия, родимый край мой,
Ты без меня — живешь,
Я — нет!

Питабай и Аспарух

Булгарам, много лет назад
Нахлынувшим на Предкавказье,
Сказал с горячностью Кубрат —
Их вождь, не ведавший боязни:
«Вот наша новая земля —
Она свободна и богата.
Не сбережем — стада, поля
Опять утратим безвозвратно».

Пускай малы его сыны,
Но выростали, как джигиты.
Отцовой мудростью сильны,
Готовились продолжить битвы.
Хазар, тюркут — со всех сторон...
Родня по крови — чужды духом.
Года вились черней ворон
Над Питабаем с Аспарухом.

Отец скончался. Десять лет
За земли родины и воды
С врагами бились, веря в свет,
Сыны бесстрашные свободы.
И первым понял Питабай:
«Брат Аспарух, ты не устанешь
В пути. Ищи других пристанищ
И с племенем не погибай!»

И начал войско собирать,
Лишась покоя, предводитель.
Могучая сплотилась рать,
Но были слабые: — Глядите! —
Что впереди нас ждет? Дунай?
Друг или враг? А вдруг — могила?.. —
Что б ни стряслось — не уставай
В пути, где силу ломит сила!

Подернут мраком трудный путь,
И столько бед сдавило горло
Стальной рукой, что не вздохнуть.
Но все терпело племя гордо.
Тринадцать — трудное число —
Веков

катило колесницей,
Но прахом путь не занесло,
Мечта сумела сохраниться.

И, позабыв язык наш, род,
Среди славян — сама славянка,
Дунай-Болгария живет,
И здравиц для нее — не жалко!
А наших предков Питабай
На север в путь направил — долгий,
И основался отчий край
Здесь, на любимой Средней Волге!

Чебоксарское море

Старый город исчез. И разлив молодой
Напеваает, на берег волной набегаает.
Старый город не Китеж, но все ж — под водой,
А обитель подводная — не процветает.

Нет ухоженных улиц. По бывшим садам
Рыбаки пролетят на рассветных моторках.
И мосты, и церквушки ушли навсегда,
Словно старые песни, не помнят которых.

И прибрежный ивняк позабыт соловьем —
В нем сегодня безмолвствуют рыбы икринки.
Как безжалостно время в течение своем! —
Даже скалы крошит в вековом поединке.

Скалы — пусть! Древо жизни, цветы! Твоя цель —
Обновленье! Пусть море шумит молодое.
Что же ты загрустил, Михаил Сениэль?
Пароходным гудком прозвучи над водою...

Когда жил в деревне

У кого в стихах шумит пшеница,
Кто-то кукурузу славит, рожь
Или же картофелем гордится.
Ну, а Сениэль чем нехорош?

Или что — он рожь не жал, не сеял,
Не полод, в кровь руки не стирал?
Может, кто другой порой осенней
Свеклу и картошку убирал?

Нет же — он! Опять деревня снится,
Позабыться ей не суждено.
Август... В августе везут пшеницу,
Рожь и кукурузу на гумно.

На току всю ночь галдят девчата.
Матери уходят отдохнуть.
А ребята мчат на элеватор,
Светом фар выхватывая путь.

Лишь к утру девчонки засыпают,
Далеко в дороге — женихи..
Золотые листья устилают
Солнечные, юные деньки.

Мой корень

Чулпалаксі — лужайка за селом,
Где предки бұлгары покоятся веками,
Где высились надгробий белых камни,
Где бегали мы в детстве босиком.

Угомонившись, я спускался вниз,
На берегу о многом думал вволю.
Чуть прикрывал глаза, и вдруг по полю
Отряды страшных всадников неслись.

В лесах окрестных шел кровавый бой,
Монголов тучи наседали с гиком,
Гнались пятнадцать — за одним джигитом,
А тот джигит, быть может, предок мой?

Один остался камень. Унесли
Мостить дворы, на каменку для бани
Всех остальных свидетелей преданий.
И стерли это кладбище с земли.

Но камень одинокий в тишине
Над пращуром стоит, над корнем рода.
Была его богатством лишь свобода,
Он думал перед смертью обо мне.

Лужайка полуострова, холмы,
Святые камни — это память детства,
И никуда от памяти не деться.
Она жива, покуда живы мы.

Ага-Базар

Ага-Базар на волжском берегу
За тыщу лет до моего рожденья
Уже шумел. Его я берегу,
Он жив, шумит в моем воображенье.
...Суваз¹ свободный, я не знал про страх
В родном Суваре. Кровь моя густела
В боях с врагами над рекой Вадах,
Где неприступны крепостные стены.
Я — из Суvara. Значит, не умру,
Не замолчу — насильника ославлю.
Не гусли я — свистулька. Гусяру
Всегда паласы на подушки стлали.
Гусяр поет, с достоинством бренча.
И все внимают молча — слезы, вздохи...
А я ношусь, свистя и хохоча,
Причастен я к базарной суматохе.
Все покупают здесь и продают:
Агат — к серьгам, к сарге² — монет медали.

¹Сувазы — древние чуваша. Их столицей был город Сувар.

²Сарга — женское украшение.

Ковры Хорезма — роскошь и уют,
Буртасских лис, клинки болгарской стали
И девушек — нет света в их судьбе.
Барышник, для кого динар — услада,
Возьмет рабыню даже не себе —
Продать в гарем Стамбула иль Багдада.
Красавицы рыдают все сильнее:
«Прости-прощай, толпа Ага-Базара!»
Кого не повстречаешь только в ней —
Башкира, русса, перса и мадьяра.
Царя телохранители спуют,
И мошкара ест поедом верблюдов,
В посуду с медом муравьи ползут,
Под мышку шапки, кланяясь, суют
Перед вельможей кучки лизоблюдов.
А я — свистулька, свой напев ищу.
Я — не барышник, не товар. Упрямо
Я тыщу лет над ухом тех свищу,
Кто ни стыда не ведает, ни срама.

В Суваре

Слабых здесь найдешь едва ли,
А ленивых вовсе нет.
Скройся прочь, гонец печали!
Молодой струится свет —
То поет суваз в Суваре
И живет под вечный лад
Адал-батор¹
в песне старой,
Павший пять веков назад.

¹Адал-батор — Аттила. В его честь чувашки называют Волгу Адал.

Всей душой

Мне мать велит, чтоб я смирил свой пыл,
Отец велит, чтоб я суровым был,
Велит мне сердце, чтоб чувашем был,
А человек один — чтоб все забыл.

Я слушал мать с повинной головой,
Отца — с непреклоненной головой.
Да, я обоих слушал всей душой,
А на того — плевал с горы большой.

Любимые мои, отец и мать,
Ценимые в селе, отец и мать,
На вас не нагляжусь, отец и мать.
Заплачу — не сдержусь, отец и мать.

Лишь слово несказанное сдержу,
И надо бы сказать, да погожу...
Мне мать велит, чтоб я смирил свой пыл,
Отец велит, чтоб я суровым был.

Песня призывника

Улиц в Саврашбүси очень много,
И на каждой — липы зажжены.
Ты не плачь так, мама, у порога.
Сын твой на виду у всей страны.
Золотые липы гладкоствольны,
Негде даже иволге присесть,
А присядет — вьет гнездо привольно.
Ну какая польза в этом есть?

Вырастит птенцов и, как бывало,
Песнею проводит их в полет.

Разве ты растила и не знала,
Что расстаться время подойдет?

Прощание со стадом

Утром отец мне сказал:
— Поезжай учиться.
Ишь, не заметили,
Как желтая гостья нагрянула...

Стадо, прощай!
Перевернута жизни страница.
Милые морды,
Увидимся ль заново?..
На аргамаке радости
Обскачу свекловичное поле!
К речке схожу...
Посижу у дубравы...
Стадо, прощай!
Исполнишь, заветная доля!
Мне не забыть
Этот полдень золотоглавый.
Дорога зовет...
Но в свободном полете дороги
Бережно в память,
Как талисман, упрячу —
Дымный костер пастуший...
И вас, круторогих...

Стадо, прощай!
Пожелай мне удачи.

Дороги

Колес машинных отпечатки,
Куда, откуда вы легли?
Пляшу я в кузове вприсядку,
И лихо пляшет пыль вдали.

Чтоб не упасть от мощной тряски,
Кабину крепко обниму
И в невеселой этой пляске
Дорогу трижды проклянчу.

Когда ж конец-то? — неизвестно.
Что за несносная судьба! —
Шофер, машина, я — совместно
Одни выделяваем па.

Шофер со страшною ухмылкой
Летит, не видя колен.
Уж я ему за той развилкой
Все мысли выскажу свои.

Но быстро гнев проходит, ибо
Я доплясался, мне слезать.
Прости, водитель, и — спасибо!
Тебе-то вон еще... плясать

Через поля и через степи,
Впиваясь в руль. Не чуя ног,
Педали жать, мотая цепи
Степных грохочущих дорог.

Лунный свет на Волге

Налегаю на весла...
Теченью наперерез
Я гребу, что есть сил, на восток,
Надвигается темной громадой лес.
Вот и берег...
Веслом задеваю песок.

И пока моя лодка
Летела стрелой
И шуршала вода
По бортам, —
Ощущал я затылком и всею спиной:
Кто-то гнался за мной по пятам!

А теперь оглянулся...
Волшебный мир:
Волга в лунном сиянье...
Миллионы искр!
Прошибает слеза...
Неужели затмит
Эта туча серебряный диск?

Блики мечутся,
Прыгают по волнам,
Словно стая восторженных бесенят,
Праздник света справляющих по ночам
Или прячущих
В воду клад.

Туча мимо прошла,
Красоты не черня.
Лес косматый —
В объятиях сна.
И, неведомой силой касаясь меня,
Плывет по реке тишина.

Мартовское поле

Где укрыться?
Где отдышаться? —
Если на сердце тяжело.
И торопишь невольно шаг свой
Вдоль по улице,
За село.
Выйдя в поле, бредешь межою,
Наступаешь на рыхлый снег.
Дышишь мартовской синевою,
Улыбаешься ветру,
Весне...
Солнце дивно встает над лесом.
Сбоку речка,
Закована льдом.
Поднимается в поднебесье
Одинокого облака ком.
Снежной пыли легкие змеи
Затевают у ног игру.
И березы, полей белее,
Чуть покачиваются на юру!..
С этой давней, как жизнь, картиной,
Заклучая тихо союз, —
Чист я вновь
Душой неизбывной
И недобрых глаз — не боюсь.

В отчем доме

Восходит солнце величаво
Над белой яблоней курчавой
И, освещая все кругом, —
Лучами нежит отчий дом.

Перед уходом каждый раз
Душа печалится, как птица,
Иль я боюсь не возвратиться?
Да нет: вернусь в условный час!

И сам не знаю, что со мной...
Стою, смотрю на дом родной.
И каждый раз даю зарок —
Не забывать крутой порог.

Орбиты солнце не меняет,
Но дом стареет, коль меня нет.
Вернусь — и приласкаю мать
И вновь смогу отца обнять.

Как дети, оба удивятся
И, радуясь, засуетятся,
Стесняясь старости своей,
Но спросят лишь: «На сколько дней?»

Перед уходом каждый раз
Душа печалится, как птица,
Иль я боюсь не возвратиться?
Да нет: вернусь в условный час!

Сосны шумят

Бессонница...

И слушаю всю ночь,
Как сосны мощные,
с упорным ветром споря,
Размеренно шумят...

Иль это море, —
Нахлынув вдруг, —
спешит отхлынуть прочь?
Сон отлетел...

Представить мне вольно, —
Что там, на гребне,
в зыбком лунном свете
(Кричать бессмысленно,
твой крик заглушит ветер)
бежит, кренясь,
под парусом челнок.

Рокочут сосны...

В памяти свежа

Картина давняя...

Чу!.. Это не пожар
Бушует, все живое пожирая?
Вскочил! Но — тьма.

Ни плача нет, ни лая.

И где горит?

И тонет кто? Бог весть!
Во всей Вселенной
частых бед не счесть.

Ночь.

Сосен шум от края и до края...
И сердце слушает,
тревожно замирая.

Ночь

Бездонна, как море,
ночная темная тишь.
Лежишь, задыхаясь
и чувствуя тяжесть пространства.
Мыслей катая колючий клубок,
снова ты бередишь
Сознание
уверенности и постоянства.
Ветер играет листвою...
Во Вселенной горят огоньки,
Круглые, узкие, — смотрят...
Тысячи глаз!
О, как они от меня далеки,
как высоки в сумрачный час.
Пригоршню мокрых звезд
в лицо мне бросает куст.
Птица ночная кричит...
Злая иль добрая весть?
К берегу Волги —
как на край света путь.
Птица ночная, я жив.
И жива моя светлая песнь.
Здесь осенят меня строки
не в первый раз,
Есть в соразмерности строк
дыханье речной волны...
Гаснут ночные мысли
в глубинах у звездных глаз.
Небо стало светлеть...
И петухи слышны.

М 15030-К

Чувашская
республиканская
БИБЛИОТЕКА 17
им. М. ГОРЬКОГО

Весенняя фантазия

Край мой покидая, —
Над головой моей
Пролетела стая
Белых лебедей.

Я взываю: «Птицы!
Киньте на порог
Лучший гостинец —
Лунное перо...»

Пролетели лебеди —
Звездный свет.
А теперь во мгле — гляди:
Падает снег!

Ты сказала: «Ветер...
Дверь закрой».

И перо не светит.
И пора домой.

Кукует ли кукушка...

Кукует ли кукушка, молчит ли она, —
Коль нет у нее детей?
А мать, что зимою осталась одна,
Вспоминает ли нас, сыновей?
Вспоминает, наверно, и в полночь не спит,
И лампа до зорьки в окошке горит...

Молчит ли кукушка, кукует ли птица, —
Подкидышей ей не собрать.
Но съедутся братья из сел и столицы,
Рада иль нет моя мать?
О!.. Рада, конечно. Перед селом
Запрятает о счастье своем.

Благословите

В дорогу отправляюсь, дорога нелегка.
Но не беру с собою дорожного мешка.
Голова да руки — чем не капитал?
Веру в свои силы я не растерял.

Благослови сына, милая мать!
Благослови сына, дорогой отец!

Ноги мои длинные, шаг — широк.
Я пойду на запад, пойду на восток.
Нагоню удачу — крылья не спасут.
Повстречаю лихо — ноги унесут.

Благослови сына, милая мать!
Благослови сына, дорогой отец!

В мире люди разные... Ну а подлецу
Я кулак внушительный к носу поднесу:
Пусть клянется выжигая жизнью своей —
Не красть, не обманывать до скончанья дней!

Благослови сына, милая мать!
Благослови сына, дорогой отец!

С головою трезвой что мне грозит?
Пресмыкаться, подличать — душа не велит.
Все мое богатство — молодость сама.
Не беру, к чему мне дорожная сума?..

Благослови сына, милая мать!
Благослови сына, дорогой отец!

Ржаное поле

Волнуется под ветром рожь,
Как море без конца и края,
И поутру не замирая...
Что будет, если ты замрешь?

Расти. Пришла пора цвести!
И рожь волненья не скрывает.
Мне слух и зренья застигает
Туманный свет на всем пути.

Дымится синью горизонт,
И петли вьет тропа кривая,
Ромашки, дружески кивая,
Укажут каждый поворот.

Иду на этот белый цвет
И васильковый — ярко-синий.
Сестренка дома ждет. Красивый
Я подарю сестре букет.

Цветы

Светлая поляна
На пути видна.
Выйду иль не выйду
К омуту без дна?

Белые ромашки
Преданно глядят,
Словно дети, робко
Опускают взгляд.

Желтые ромашки
Золотом горят,
Русые, как сестры,
Солнечно стоят.

Красный цвет и синий —
Родственны иль нет?
Я сведу их вместе,
Сделаю букет.

Зря сорвал.
Поляна
Без цветов — бедна...
Выйду иль не выйду
К омуту без дна?

Омут

В темном омуте по дну
Щуки хищные гуляют,
На ветру, на берегу
Ивы косы расплетают.

Вяз, черемуха, ольха
Окружили омут грозно.
Одинока и легка,
На бугре грустит береза.

Тянет ветви до небес,
Опускает их устало.
Как попала в темный лес?
В ясный полдень заплутала...

Бабушка твердит: «Семен,
В тихом омуте есть черти.
Не ходи — затянет он,
Завлекут русалки в сети!»

Луна скрылась

Ну как же здесь не любоваться:
Неслышно белый снег идет.
Вот ребятня спешит забраться
Со смехом в гору. Кто вперед!

Все гуще снег. Как в хлопья ваты
Зарылся мутный лунный ком.
И к бабушке спешат ребята
Послушать сказки перед сном.

Вечер детства

Роса выпадает,
Не будет дождливого дня.
Крапива густая
Угрюмо молчит у плетня,
Хранит свои тайны.
Я ноги с трудом волочу —
Набегался за день
И спать поскорее хочу.

По пыльной дороге
То жаба проскачет навстречу,
То серая кошка
Невидимой тенью шмыгнет.
И вечер июльский
Уже отдыхает беспечно,
А я все волнуюсь:
Домой ли дорога ведет?..

Полная луна

Смотрю: ветла большая, а за нею —
Луна, кругла, огромна, — не обнять,
Багровый мяч, гляжу, всплывает в небе,
Пойти с Атнером, что ль, его поймать?

Великоват, чтоб крепко ухватиться,
Да ведь и руки можно им обжечь.
Атнер заметил то же. Рукавицу
Забыл на этот случай приберечь.

Идем к ветле, и я, и мой товарищ,
Карабкаемся — слишком уж низка,
Качается — и руку не протянешь.
А мяч, а мяч... уходит в облака.

Южный ветер

Южный ветер подул, южный ветер.
Просыхает осенняя гниль.
Ветер в дни долгожданные эти
Треплет волосы, словно ковыль.

Жизнь бывала порой горьковата,
Рано из дому в путь позвала.
Мать, несколько ты не виновата,
Что не много дала мне тепла.

Но останется каждое слово
И касание ласковых рук
Нескудеющей песней, что снова
Южным ветром навеяна вдруг.

Ты меня и шерстила не мало,
Это тоже давнишняя быль...
А теперь только ветер — не мама —
Треплет волосы, словно ковыль.

Дитя ветра

Слышу свист и стук в окошко,
Пригляделся — никого.

Замер — кто там расшумелся?

Повертелся — никого.

Надо выйти. Встал, оделся —

Разобраться, кто причиной

Беспокойства моего —

Никого.

Оробел я, стал бояться:

Ну, как снова постучатся?

Да, стучатся...

Никого.

II

Родной мир

Чувашский мир — ты мне родной,
Меня перед моей страной
Ты возвышаешь и тревожишь,
Ты мне смотреть вперед поможешь
И видеть, что там за спиной.

Земляк-чуваш, родной язык,
Душой и разумом велик,
Разбив оковы ледяные,
Горишь огнями путевыми
И не погаснешь ни на миг.

Работать, радоваться, жить!
Оков былых не наложить.
Недаром Ленин в мир явился,
Октябрь недаром совершился —
Ничем его не заглушить.

След нашего пути живет,
Он влит в узоры, в хоровод,
В черты лица и в звуки слова.
Богатство это так весома,
Но с ним легко достичь высот.

Чувашский мир, родной ты мне.
Когда тревожно на Земле,
Я за тебя не опасаюсь,
Хочу смотреть, пока глаза есть,
И видеть свет твой в дальнем дне!

Фестиваль

В пять лепестков ромашка —
Веселый шар земной.
Сегодня тем лишь страшно,
Кто нас пугал войной.

Но шар земной, приятель,
Раскроет лепестки,
Не скроет поджигатель
Ни страха, ни тоски.

На фестиваль поедут
Посланники страны —
Наследники Победы,
Противники войны.

Сверкай, земля-ромашка,
Украсят праздник наш
И девушка-чувашка,
И юноша-чуваш.

Так сплачивай навечно,
Всемирный фестиваль,
Цветок пятиконечный!
Надежда — не печаль

Повадится пчелою
К соцветью лепестков,
Что названо Землею
Пяти материков!

Волны

Аргамак мой ветрокрылый,
Белогривая волна,
Рвись вперед, красуйся силой,
Рысь ленивая — скучна.

Не догонишь — ишь, несется! —
Этой вздыбленной волны.
Много ль радости без солнца?
Мы не зря надежд полны.

Много ль радости без ветра?
Радость — безоглядно жить.
Волны рвутся беззаветно
Даже скалы сокрушить.

Плачь — погода! Ветер — громче!
Подхлестни, волна, волну,
Ржи и буйствуй что есть мочи,
Вдрызг разбейся о скалу!

Ночью

Опять в высоком небе лета
Мчат самолеты.

Например,
Вон тот на Шубашкар, а этот —
Выруливает на Пюлер.

Желаю летной вам погоды,
Небес — просторней и синей.
Да, ваше дело — перелеты,
А я — пастух в стране своей.

Но я стремлюсь за вами, в выси,
Я в пастухах — не навсегда.
Как аргамаки, быстры мысли,
А в сердце — даль и высота.

Вечером

Тихо дунул вешний ветер,
И взошла луна.
Ветер стих, а в лунном свете
Музыка слышна.

На два голоса девчонки
На лугу поют,
Песню о родной сторонке
Медленно ведут.

И деревья не зашепчут —
Ловят голоса.
На траве блестит, как жемчуг,
Бусами роса.

А черемухи соцветья,
Ставшие пышней,
Раньше всех луна заметит
И взойдет над ней.

Фонари

Вот и стемнело. А после зари
Улицы стали рассказывать сказки
И на столбах по волшебной указке
Добрые снова зажглись фонари.

Я уйду. Оставайтесь счастливо
И улыбайтесь в ночи терпеливо,
Светлые спутники с солнцем внутри —
Фонари.

Мне на прощанье успели мигнуть,
Я подмигну понимающе тоже,
Скроюсь за дверью квартиры.

Похоже,
Что фонари мне велели уснуть.

*

Не было б меня — погожим вечером
Так же день бы уходил во тьму,
Улыбалась девушка доверчиво,
Нежно... А кому? Да хоть кому.
Лето бы прошло, дохнуло осенью,
А потом снега закрыли высь.
Не было б меня — весенней просинью
Так же почки бы ожить клялись.
И пошел бы майский дождь бушующий,
Обновлялся лес, бурлил овраг.
А вот есть когда я... Как забудешься,
Что и после нас все будет так?

А вот есть когда я — повторяются
Мысли: друг, зачем летят года
И уходят люди, улыбаются,
Зная, что уходят навсегда?..

*

Не жалея, лей, мой дождь!
До утра звени протяжно.
Сердце! Нам уж не бродяжить,
Глупое, чего ты ждешь?

Караулят двор и дом
Неподвижных три березы.
Лей, мой дождь, ручьями слезы.
Что с того? Ведь тьма кругом.

Ах, мелодию дождей
Я ль один любил когда-то?
Друг... Он был мне вместо брата...
Скрыт давно туманом дней.

Отошло былое... Что ж!
Не вернуть горячих, юных...
За окном рокочут струны, —
Бесконечно лей, мой дождь!

Шестистишия

*

Для дома нового, мой друг, ты выбрал берег правый.
Но надобно гостей позвать, — устрой и переправу.
Пусть будет крепок этот мост, сруби его из ивы,
Чтоб под ногами гнулся он, да не снесло бы в ливень.
Тогда травой не зарастет тропа к крыльцу тесовому, —
И солнце в окнах запоет, и жизнь пойдет по-новому.

*

Лети, мой лебедь, далеко и крыльев не жалеи! —
Есть голубое озерцо меж голубых полей.
И на безлюдном берегу, где солнечные блики,
Растут в некошеной траве созвездья земляники.
У алых ягод вкус что мед, земли и солнца вкус...
Тот, кто любил, меня поймет, — то пламя милых уст.

*

Хожу смотреть по вечерам на дикий я утес,
Там, на вершине, знаю я немало птичьих гнезд.
Перед закатом птичий грай округу всколыхнет.
— Моих пернатых не пугай, — мне ветер пропоет.
Но я и в детстве не таскал беспомощных птенцов.
Душа разбоя не снесет, ведь быть и мне отцом.

Шторм или ад
 Раскололся, бушуя,
 Волны о грудь разбивая земную?..
 Гибельна близость
 Желанной земли —
 В море из бухты спешат корабли.
 «Поднять якоря!» —
 На широком просторе
 Стальные крылья расправил шквал.
 Пусть сатанеет у мола море,
 Пусть пеной вскипает девятый вал!
 Штормовое море...
 Свинцовые хмури...
 Но чьей это кровью набух закат?
 В жестоких сердцах
 Зарождаются бури
 И огненным смерчем над миром гудят.
 Противоборствуй!
 Иди навстречу
 Громам, и тучам, и черному смерчу...
 В открытое море
 Спешат корабли, —
 Иначе б они победить не могли!

Баллада о бесконечном

На колхозном поле молодая жница,
 Тяжело сгибаясь, жнет серпом пшеницу.
 Ни души не видно... Серп сверкает остро.
 Бесконечной кажется узкая полоска.

В чем же сила женская? Только в мысли вольной, —
Что и он, любимый, вместе с ней на поле.

Вдруг с последним взмахом боль пронзила тело,
Задышала жадно и к снопу присела...

В тот же час на западе в дымной, грозной мгле
Пал солдат израненный на чужой земле.

Бой гремел. Катилось дружное «ура!»,
А ему слышалось детское «уа».

И слились в единый бесконечный зов —
Плач ребенка с яростью солдатских голосов...

Озеро посреди степи

Здесь, посреди степи, ему привольно.

Чиста вода и стройны камыши.

И берега у озера округлы.

Гляжу на воду — и покой в душе.

Гляжу — и глаз не в силах оторвать.

Не ранят сердце стрелы камыша.

Ах, я нашел волшебное кольцо! —

Мне лето подарило озерцо.

И знаю я, что, если свистну тихо, —

Уйдет из сердца жгучая печаль.

А повторю мой свист, и ветерок

Умчит тревогу безоглядно вдаль.

Кричат над головою чайки, ссорясь.

Что делите? Что мучит вашу совесть?

Мое и ваше озеро. И что ж? —
Мы не враги. К чему этот галдеж!

Под вечер парус выйдет, с неба свесясь...
Довольно, птицы! Хватит балагурить.
Ваш крик накличет непременно бурю,
И буря опрокинет парус-месяц...

Но не хочу я буре уступить
То озеро, что посреди степи.

Звезда моя

Я терял тебя не раз
То во выюге, то в тумане...
Ты — мечтой, что не сбылась, —
Пряталась в воспоминанье.

Я по памяти лепил
Образ твой на поле черном,
Где в кругу других светил
Ты мне пела: «Будь упорным...»

И когда, испепелясь,
Я готов был жизнь оставить, —
Ты всходила в светлый час
Володеть душой и править!

В чистом пламене твоём
Есть магическая сила:
Ты серебряным лучом
Сердце к миру пригвоздила!

Эта трепетная связь —
Света, музыки и слова...

Неужели ты зажглась,
Чтоб однажды кануть снова?..

Золотой песок

Босые ноги мне жжет песок.
купаются в речке кудрявые ивы.
Ходит волна...
И полдень высок...
Ходит волна с белой гривой.

Взнуздай ее!
И, на гребень взлетев,
Все позабудешь,
Скользя невесомо...
Это блаженство кому не знакомо? —
Несет и качает волна, присмирив.

Ты вспомнил?
Ты в крае Красного Дня!¹
Смотри — аргамаки промчались мимо...
Пусть жжет мои ноги песок нестерпимо —
Поймать наяву бы такого коня!

Увы!.. Разбежались мои аргамаки.
Песок пламенеет.
И — волны утихли.

¹ Край Красного Дня — в чувашских сказках волшебная страна, где много резвых коней.

А солнечный диск, ослепительно яркий,
Бросает в меня
Раскаленные иглы.

*

Когда выводит ласточка птенцов,
Не надо мазать язычки их маслом.
Любой из них, едва он оперится, —
Свой нежный голос миру подает.

Когда роятся пчелы возле матки,
Зачем слова: «работайте... трудитесь...»?
Призыв никчемный в обращенье к пчелам,
Они трудолюбивы, как всегда.

Когда впервые сам пойдет ребенок,
Ты в назиданье покажи ему, —
Как хороводы ласточки свивают,
И дай послушать пчел мажорный гуд.

Без масла ласточки щебечут нежно.
Без лишних слов пчелиный рой прилежен.

Запретное

Не странно ли?.. То яблоко большое
Мне хочется давно сорвать рукою.
А ведь оно (любому видно глазу)
Еще не вызрело, и нет румяных красок.

И потому его срывать нельзя!
Но яблоко нависло над тропой...
Запретный плод... Опасная стезя...
Похожий случай был уже со мной.

Я помню, в детстве я хотел узнать,
Что там внутри у глиняных коней.
— Хочу коня! — упрашивал я мать.
Купила. Я разбил на множество частей...

Запретное! — таинственный мотив.
Он манит нас. И душу нам мутит...
Не оступись ни в малом, ни в большом.
Зрей, яблоко! И мимо я прошел.

Раскаяние

Вот разгладить бы снова морщины
Да по-юному ясно взглянуть!
Эх, вернуть бы вас на небо жизни,
Зори юности,
Дальние зори вернуть...

Бесконечно стоял бы под вами
И не мог наглядеться никак,
Был наивный —
делами, словами
Торопил, прогонял вас, дурак!

Думал зори увидеть иные.
— А какие они?
— Потом... —
Исходил все пути земные,
Чтобы в отчий вернуться дом.

Эх, и вас бы мне на небо снова,
Зори юности,
Дальние зори, вернуть,
Чтобы высветить жизни основу
И пройти по-иному путь...

Реквием

Эрхину

I

«Цак» да «цак» — соловьи поют,
В чаще сада найдя приют.
А душа горит, и плачут глаза:
Разве боль мою соловьи поймут?

Друг и ровесник не придет в этот сад.
Пришел бы... Да нет дороги назад.
Оттуда не сделать и двух шагов...
Нет горше досады из всех досад.

Он рано лишился родителей, друг.
И холод, и голод царили вокруг.
После войны рос в тяжелую пору.
В начале пути надломился вдруг.

«Цак» да «цак» — поют соловьи.
Не о нашей давней юности ли?
А душа горит, и плачут глаза:
Нет рядом ровесника, с которым росли.

Снег идет
белей белил,
Листья ивы
побелил.
Живы будем, —
по весне
Почернеет,
стает снег...
Нет птенца
в гнезде родном,
В голых ветках —
снега ком.
Снег идет,
снег идет,
Легких хлопьев
хоровод:
В городе
и на селе
Кружит снег
навеселе.
Только друга
нет со мной.
Он — за снежною
стеной.
Не собрать мне
ягод красных,
Друга ждать —
увы! — напрасно.
Он — за снежною
стеной...
Он — под черною
землей.

Ясная осень

Пройдя по ненастным дорогам,
Минуя холодную даль, —
Приветливо, ясно и строго
Осенняя светит печаль.

Кто чуток, тот сердцем осмыслит,
Что многое в жизни видней
Под желтую музыку листьев
В кристальной прозрачности дней.

Я весел, что тайны земные —
Открыты... И ветер мне брат...
И думы приходят благие.
И зорек уверенный взгляд.

Пусть что-то уходит... Не жаль мне
Потерь в неустанной борьбе.
И в осени этой державной
Опору я вижу себе.

Обновление

Люди — птицам сродни.

Сокол долго в плену

Не живет —

Или клетку свою разобьет,

Иль умрет.

А кому-то не нужен полет:

оценил тишину.

Вон индюк — как в раю!

Если кормят — чего еще надо? Клюет.

Вновь, летящий на воле, душой обновись!

Нет конца обновлению,

а есть — не к добру:

Стал ты идолом, центром Вселенной,

и высь

Не подвластна душе, что кружит на ветру,

Словно мертвые листья, опав поутру.

«Не достичь мне высот», —

как ножом полоснет

Эта мысль, что свободным натурам претит.

Если нет недостатков — в себе их найдет,

И вины вроде нет — только совесть не спит.

Вновь душа,

обновляясь,

стремится в полет...

*

Когда один, — бываю тих, спокоен.

От вечных книг и голова ясна.

И даль грядущего, как никогда, видна,

И я с другими дали той достоин.

Я время чувствую на вкус, на цвет.

Глобальность мира сердцем понимаю.

И замыслам моим границы нет,

И жизнь, как дар высокий, принимаю.

Я различаю звуки тишины

И тонкую игру теней и света.

Как никогда, мне кажутся важны
Приметы дня и полночи приметы.

Я — Человек в тот благородный миг!
Я — Человек, и значит, царь Вселенной.
И эту Землю, лучшую из книг,
Клянусь любить и помнить неизменно...

Опять в уединении моем
Весну встречаю. Слышу первый гром.
На все смотрю открытыми глазами...
О счастье жить — до смерти мы поем!

III

Песня джигита

Шагом ли пустить коня
Иль послать наметом,
А быть может, в самый раз повод натянуть?
Песни петь, слагать стихи
Мне в пути коротком,
А быть может, в самый раз молча повернуть?

Не остановил коня,
Шагом не поехал —
Так понесся, что дрожат корни ковылей.
Пусть не слушает никто —
Только вторит эхо —
Так запел, что на душе сделалось теплей.

Рядом с месяцем звезда
Светит одиноко,
Но она ему светить ярче помогла.
Есть красавица одна
Здесь неподалеку —
Вот она-то мне огнем душу обожгла.

Парень

Нужны салоны красоты
Тому, кто жизни рад?
Зубов жемчужины — чисты,
Глаза твои — горят.

Ты знаешь сам и без зеркал,
Что молод и хорош.
У многих, кто тебя встречал,
В улыбке — все прочтешь.

Ответно улыбнешься им,
Готов всегда помочь.
К друзьям и людям дорогим
Придешь на зов сквозь ночь.

Готов схлестнуться с подлецом —
Не ради хвастовства.
«Душой он вышел и лицом», —
Вот о тебе молва.

Ты запоешь, когда молчат,
И каждый — песне рад.
Ты защищаешь всех девчат,
Как будто бы их брат.

Смущаешь светом красоты
Ровесников своих,
Считающих: таким, как ты,
Не грех любить двоих.

Но я поправлю их чуть-чуть:
«Не двум (и подмигну!) —
Он многим может подмигнуть,
Но любит — лишь одну».

Поют девчата

Как запоют девчата песню —
Заслушаюсь и засмотрюсь.
То широко в груди, то тесно,
То радость ширится, то грусть.

Та, черноглазая, уж больно
Печально и светло поет,
И что поет, то все невольно
Навечно в память западет.

Она — не то чтобы певица,
А песня добрая сама,
С ней — и грустить, и веселиться,
И верить, и сходить с ума.

Возлюбленная

Конь мой — на заречном на лугу.
Сам — по эту сторону реки.
Перешел бы — ноги берегу.
Перешел бы — ноги промочить могу,
А не перейду — мой конь заржет с тоски.

Милая — за лесом, за леском.
Сам я — за двенадцать деревень.
Поскакал бы — да устанет конь.
Поскакал бы — да, боюсь, устанет конь.
А не прискачу — разлюбит в тот же день.

Зазноба

Ах ты, лес, бескрайний лес!
С кнутовищем новым еду.
У меня зазноба есть.
У кого зазнобы нету!

Ах ты, лес, дремотный лес!
Ах, подруга дорогая,
Вижу сон: ты рядом здесь —
Вижу сон, не засышая.

Эх ты, лес, дремучий лес!
Заблудился. Конь — ни с места.
Был, да вышел интерес,
Охладел к тебе, невеста.

Эх ты, лес, безлюдный лес!
Да, другой такой не сыщешь.
Ну, шагай, проклятый бес!
Поломалось кнутовище...

Спасибо!

Сколько ты красивых слов потратил,
Расписал фигуру и наряд,
До небес вознес ее характер,
Просто неземной внушил мне взгляд.

Увидал. Благодарю, товарищ!
Подыскал невесту — нет милей.
Погоди... но если так ты хвалишь,
Что же сам не сватаешься к ней?

Расписные сани

Сани расписные встали у ворот.
На дуге янтарной — лента голубая.
Позвала. Приехал. Развернусь вот-вот.
Что ж ты не выходишь встретить, дорогая?

Сани расписные встали у ворот.
Не поговорили. Не хватило слов ли,
Или все приснилось? Значит, в свой черед
Не брани: мол, дурень — повернул оглобли.

Сани расписные встали у ворот.
Жизнь дана однажды и не повторится.
Влюбишься, бывает, а потом пройдет.
Что ж, прости. Счастливо! Приезжал проститься...

*

Хорошо в саду вишневом
В тишине сидеть.
Молод я: глаза что угли,
Тонок стан.

Взял я в руки нежно скрипку
И поднял смычок.
Загадал: пускай услышит
Девушка одна.

Время шло... И пели струны.
Но моя игра
Девушку не взволновала.
Что тому виной?

Были б струны золотыми —
Ей не устоять.
Если б молодость продлилась —
Кто б нас разлучил...

Лес

Зашумели кроны деревьев.
Закачался лес, как медведь.
Не от ветра ли захмелев,
Захотел он, косматый, петь...
 Не шуми, зеленый лес,
 Надо мной листьями.
 Далеко от здешних мест
 Песню я оставил.
Потемнел лесной окоем.
Пала ночь посредине дня.
Прокатился по небу гром,
Лес оглох — не слышит меня.
Только хлещет тяжелый дождь,
Бьет по листьям он, как свинцом,
Только дышит древесная мощь
Влажным холодом мне в лицо.
А за тучами — даль слепа,
На пути моем — бурелом.
Утонула моя тропа,
И следы размывло дождем.
 Успокойся, лес мой милый,
 Не томи душу.
 Память песню сохранила,
 А теперь слушай:
— Эх, далеко-далеко в стороне родной
Печалится невеста под круглою луной!

Сад

Белые березы
В лунном сиянии...
Закипают слезы
От воспоминаний.

Сад мой таинственный!
Над миром сон веет.
Без слов, мой друг единственный,
Мы шли по аллее...

И сердце невольно
Летит, спеша на свет! —
Где в мае белоствольном
Затерян наш след.

*

Ждала, ждала — завидное терпенье —
Хотя бы слово. Бесполезно ждать.
Все кончено. И что скажу теперь я...
Ах да, кольцо. Бери. Могу отдать.

Не всхлипывай так громко и не кайся.
Ты и сейчас, как прежде, мне близка,
Но только понапрасну не старайся
Продлить обман. Разлука нелегка.

А все-таки назойливость излишня.
Я правду говорил тебе всегда.
Озябшая, к кому ты прислонишься?
Кого в пути согреешь в холода?

Всегда, и вправду, много будет света
В душе счастливица, что поймет тебя.
Отца и мать забудешь незаметно,
Но не его — свое второе я.

Ах, вывела б на родственную душу
Тебя судьба... Да что же я творю!
Какой-то злой кудесник все разрушил
И обесценил красоту твою.

Как будто не теряю, беззаботно
Посвистывая, выйду из дверей,
Как будто будет впереди хоть что-то
Светлей любви и юности твоей...

Без тепла

Не выходит у нас разговор.
Пали снега — ты стала чужой.
По ночам нету сна с этих пор,
И тревога владеет душой.

Я разлукой с тобой не убит —
Переполнена жизнью душа
И на волю бежать не спешит,
Так неволя твоя хороша.

Ты — мое полнолуние в окне,
Так сияешь! — да вот без тепла.
Светлый взгляд твой, скользнувший по мне,
Не обжег, и зима не ушла.

Что же солнце не правит на май?
Почему ты во власти зимы?
Пробудись — будь добра! — засияй
И спаси меня от полутьмы.

Зябок месяца белого свет,
Зыбко улица в свете видна.
Ветер в поле бредет без примет,
И бескрайняя даль — холодна...

Отныне

С этих дней и до последних дней
Я одной лишь верою согрет:
Нет тебя надежней и верней,
Вообще, подобных в мире нет.

Ты всегда мне прибавляешь сил,
Ты — тревога и душевный пыл.
Оттого что есть ты — краше все село,
Оттого что есть ты — я добьюсь всего.

...Знаю я: характер свой кляня,
До конца мне чашу эту пить.
Знаю, что не любишь ты меня,
Потому не сможешь разлюбить.
Потому до самых крайних дней
Нет тебя надежней и верней...

IV

Поляна уява

Лирическая поэма

«Уяв-синьзе — между симеком и сенокосом свободное от усиленных трудов время, языческий праздник, который продолжается недели две-три...»

Н. И. Ашмарин

«...это и не балет, и не опера, это — жизнь... Что оперы, что романсы?! Разве передадут они этот аромат вечно молодой весны... Разве можно выдумать такую песнь?»

Н. Гарин-Михайловский

1. Уяв?

Что же такое уяв?

Сев кончен весело и дружно.
Хлебам растущим — исполать!
Поспать бы малость...

Но кому же

Охота в это время спать!

Давайте пить и веселиться, —
Ведь пивом славен каждый дом!
Пусть у меня веселье длится,
А после к свату все пойдем.

Уйчюк¹ устроим в день воскресный
И, обобщая, скажем так:

¹Уйчюк — общее моление в поле, жертвоприношение перед полевыми работами.

Чуваш трудиться любит с песней
И с песней пировать мастак.
Уйчюк теперь исчез... Не режут
Быка... И только старины
Традиция — уяв: как прежде —
Дни песен радостных полны.
Вот он — как молния сверкает,
Как радуга горит, дрожа!
Уяв и время не ломает,
И не погубит жизни ржа.
Он день-деньской горит во взоре.
И понимает стар и мал —
Дневной уяв с вечерним спорит:
«Ну, кто кого переиграл?»

2. Вечерний уяв

Солнышко — парень пригожий,
Сделав решительный шаг,
Скрылось от мира, похоже,
За Родниковый Ивняк,
Тот, что вдали за рекою,
Прямо у сна на краю,
В темном вечернем покое
Думает думу свою.

Пыль улеглась на дороге,
Путник из виду исчез.
Многозначительно, строго
Смотрит задумчивый лес.

Тайна холмы покрывает,
В Савруше дремлет вода,
Темная и неживая,
Цвета тяжелого льда.

К берегу молча спускаюсь,
Слышу, — звончей и звончей —
Вьется, резвится, плескаясь,
Еле заметный ручей.

Этой серебряной нитью,
Хором квакушек ночных
С детства я душу насытил,
Тайну природы постиг.

Словно недвижимая глыба,
Молча стоит тишина.
Рак почивает, и рыба
У берегов не слышна.

И под журчанье живое,
Темной объят тишиной,
В свежем прохладном покое
Воздух вдыхаю ночной.

И в одинокости этой
Я растворяюсь, пока
Голос тоскующий, светлый
Слышится издалека.

Вот и второй уж, и третий...
Что это — сон или явь?
Неповторимый на свете —
Это вечерний уяв.

3. *Игрища уява*

Не шагаю впрямь, а лечу! —
И в руках баян на ходу поет.
Ах, как я поспеть на уяв хочу, —
На поляне уж собрался народ.

Ой, уяв, уяв, дивный дар веков!
В сердце я храню эхо дальнее,
На душе моей — никаких оков,
И уходит вдаль все печальное.

Горячо всегда под твоим крылом,
Счастье, вот оно — прикасается!
До сих пор согрет я былым теплом,
До сих пор оно вспоминается!

Как я шел-бежал на вечерний луг,
Как с ребятами и девочками
Замирал на миг, если видел вдруг
Лебедей вдали с лебедятами.

Вот летят они вереницами,
И плывут они, и качаются.
Я навек пленен теми птицами,
И в душе они не кончаются.

Я навек пленен светлым месяцем,
И весенних трав одеянием,
И черемухой, что невестится,
Белопенным полна сиянием.

Ах какими мы были смелыми
Перед сестрами с женихами,
Как цветы им дарили белые!
А потом — подросли и сами.

Помню первые те свидания,
Тот вечерний уяв чудесный,
Его чистые игры давние,
Несравненные его песни:

«Нет кукушки на опушке —
Опустел весенний лес.
Нет любимых на уяве —
Пропадает интерес.

Не мутн, лягушка, воду,
Из ручья не вылезай.
Не ходи, милок, к подружке,
Мое сердце не терзай.

В сад кукушечка летела
Желтый цветик выбирать.
Я глазам моим велела
Добра молодца избрать.

Не кукуй, кукушка, в поле —
В поле звон не как в лесу.
Не водись со мною милый —
Это я перенесу».

Мой баян поет, сто ладов берет, —
Вы огонь ничем не затушите! —
Песни грустные пропустить вперед
Он старается, — вот послушайте:

«В ручье кричит лягушка, мается, —
Ручей вот-вот и пересохнет.
В деревне замуж собирается
Та, по которой сердце сохнет.

Не ведро нынче и не пасмурно,
Дождь ходит где-то за околицей.
И русский не подходит парень мне,
И черный пусть не беспокоится!

В восьми котлах напрасно парится
То молоко, что мной поставлено.
На восемь сел один мне нравится,
Да он меня не дожидается.

Хожу в платочке белом, грустная,
Недаром черный был подарен мне.
Я, было, полюбила русого,
Да черный повстречался парень мне.

Ох, стóит тот платок недешево,
Платочек шелковый в горошину.
Хоть и сама я нехорошая,
Желаю выйти за хорошего».

То песни, то частушки слышатся,
Уяв горит и полыхает.
Хохочется! Поется! Дышится!—
Жар ни на миг не затихает.

Вот снова встали вереницею
Десятки девушек-лебедушек.
С весною разве что сравниться им,
С весенней песнею молодухек:

«Брала я, собирала камешки,
Пригодны будут ли для каменки?
Ай да ребята Саврашбўси
Пригодны ль девушке Натусе?!

«Ай, уххи, уххи, ай, хурхухи»¹,
Хурхухи — травка молочай,
Ай, по деревне ходят слухи,—
Свиданья мне не назначай.

¹Припевка, в которой повторяется название травы молочай (хурхухи).

Дворец — как камешек в оправе,
А тень — на воду пролилась.
Ребята нынче на уяве
С девчат не сводят синих глаз.

Ах, коновязь тогда красива,
Когда при ней красивый конь.
А улица тогда красива,
Когда уяв зажжет огонь.

Не рушьтесь, берега, не надо,
Покуда мы здесь не прошли.
Ах, не женитесь, ребята,
Покуда мы не подросли».

Звучит мелодия, и плещется,
И разливается вокруг.
И дружно за руки все держатся,
И движется по солнцу круг...

И вдруг — до боли сердце сжалось:
— Мишшй, сыграй нам, — просят, — вальс!
«Танцуйте, братцы! Что ж, пожалуйста!
Пусть жизнь моя не удалась, —

Меня любимая покинула,
Покинула — и все дела.
Пропала в городе, как сгнула,
И весточки не подала.

И помнит только вальс щемящий,
Как мы кружились в те года.
Да, может, лес еще шумящий
О том напомнит иногда,

Как провожал ее из школы
И было сердцу невдомек,
Что минет этот день веселый
И горестный наступит срок.

От дум таких, конечно, грустно
И беспокойно на душе.
Но волны вальса льются дружно,
И пары кружатся уже.

Мелькают платья, косы, банты,
И вьется вихрем лунный свет,
И ветер ходит на пуантах...
Что это, если не балет?» —

Я думаю, когда с уява
Иду один, и слышно мне,
Как бродит песня где-то справа
И где-то слева — в тишине:

«По ветру клонятся верхушки,
Пойдемте, девушки-подружки,
Пойдемте, милые, домой.

Пойдемте, девушки, пойдемте,
Сгустились над землей потемки
И — время позднее уже...

Верхушки клонятся по ветру
И провожатых нынче нету,
И — как-то грустно на душе.

Как будто от какой погони
Ушли оседланные кони,
В глубь леса темного ушли...

Слова прощанья и печали
В тиши вечерней прозвучали
И мое сердце обожгли».

... В часы вечернего уява
Мы все выросли в свой черед.
И тот не знает душу яла¹,
Кто говорит: «Уяв умрет».

Придут иные поколения,
Но им откроет ту же даль
Уяв — души села волненье,
Ее улыбка и печаль.

Он — сплав веселья и покоя,
И, может, только раз в году
Крестьянин чувствует такое,
Встречая новую страду.

Уяв — немолкнущая песня,
Та, без начала и конца.
Он жив и вечно молод, если
Поют чувашские сердца.

4. Канун дневного уява

Дни солнечны, теплы, бесстрастны,
А вечера весной длинны.
И дышат в колдовском пространстве
Стога вечерней тишины.

¹Я л — село, деревня.

Луна багровая темнеет,
А лес, и речка, и поля —
Всё перед нею молодеет,
Вся обновляется земля.

Ночная гостья интереса
Исполнена и в тишине
Проходит по верхушке леса
С верхушкой света наравне.

Лес Курмилле стоит на склоне,
Верстах отсюда в четырех.
И перед ним, как язь в затоне,
Свет ходит вдоль и поперек.

Сейчас бы мне туда собраться,
В траве побегать босиком...
За будущее не бояться,
О прошлом вспоминать тайком.

Пить серебристые туманы,
Резвиться, радуясь тому,
Как колокольчик безымянный
Вновь вторит смеху моему.

Я снова счастлив, как мальчишка,
И вновь смущаюсь оттого,
Что слышу голос ясно слишком
С поляны счастья моего.

И потому по тропке сонной,
Воспоминаний не боясь,
Иду почти замороженно
В село с названием Савгась.

Кругом хлеба, хлеба, и только —
Ольшаник редкий вдалеке.
И одиночество нисколько
Не страшно мне, когда к реке

Спускаюсь я и ключевую
Студеную водицу пью,
В Овраге Первом сырость чую,
Меньшого брата узнаю

Того Глубокого оврага,
Где нас в вечерней тишине
Пугала старая коряга
И старый ворон на сосне.

Потом на берегу отлогом
Разлившегося вширь пруда
Стою — и тянется дорога
Туда, куда спешит вода.

И вижу, что за поворотом
Речушки, обогнувшей пруд,
Две старых ивы тихим ходом
Куда-то в прошлое бредут.

И вьется лунная дорожка,
И водная трепещет гладь.
Эх, взять бы камешек в ладошку
И в прошлое перебежать

По свету лунному, по этой
Дорожке, тонкой, как струна.
Почти серебряного цвета
В воде качается луна.

Спускаюсь в сторону плотины,
А там, под кроною ольхи,
Как прежде, пахнет теплой тной,
Растут, как прежде, лопухи.

Потом, волнение убаюкав,
Опять пускаюсь в дальний путь,
Пугаясь шорохов и звуков,
Теней побаиваясь чуть.

И вновь — одним чутьем — и только! —
Ракитник узнаю, родник...
Ах, боже мой, каких и сколько
Дней пережито возле них!

Я помню, от Литты, бывало,
Лява здесь прятался не раз,
И полночь черная скрывала
Его от посторонних глаз.

Когда, окрестности обшарив
Воинственно, дружки Литты
Ни с чем в деревню возвращались,
Молчали темные кусты.

Зачем Лява боялся плена,
Зачем Литта хотел войны, —
Могла бы нам сказать Ирэна
С косою тяжелой вдоль спины.

Рука в руке — они, бывало,
С Лявой сидели в тишине.
Пел чудно соловей. Светало.
Ах, погодите, слышно мне...

Что слышно? Да все те же звуки.
Соловушка... Неужто он?!
Волшебный голос по округе
Тысячекратно разнесен.

Но где Лява и где Ирэна
С косою тяжелой вдоль спины?
Стоят невидимые стены,
И ими мы разделены.

Одни — в пути, другие — в доме.
А я один здесь в этот миг.
Но соловей поет в истоме,
Как пел когда-то и при них.

И я, исполненный азарта,
Все перепутал — сон и явь.
...Еще чуть-чуть — и будет завтра,
А там уж — и дневной уяв.

Дневной уяв — чудес чудесней.
Повсюду слышно «шевелок», —
Что значит «ай-люли», — и с песней
Выходят женщины на круг.

И голосов мужских немало,
И подголосков — детворы...
Опять я слышу, как бывало,
Многоголосые хоры:

«Полая вода —
Талые снега, —
Ай-люли, ай-люли,
Как же ее выдержат берега?
Ай-люли, ай-люли,
Как же ее выдержат берега?»

Вижу все глазами,
Люблю душой,
Ай-люли, ай-люли,
Как же сердце выдержит груз такой?
Ай-люли, ай-люли,
Как же сердце выдержит груз такой?

Овцы пыль подняли,
Ай-люли, ай-люли?
Стадо ли пригнали?
Ай-люли, ай-люли,
Стадо ли пригнали —
Пыль стоит вдали.

Девушки запели,
Ай-люли, ай-люли,
Деньки пролетели,
Ай-люли, ай-люли,
Деньки пролетели —
И уяв вдали.

Ты кукуй, кукушечка, посильней,
Ай-люли, ай-люли,
Ты расстанешься скоро с ней,
С этой песенкою своей,
Ай-люли, ай-люли,
Ты расстанешься скоро с ней.

Пойте, девушки, позвончей,
Ай-люли, ай-люли,
Кто расскажет нам в тишине ночей,
Чей уяв пройдет и наступит чей,
Ай-люли, ай-люли,
Недалек тот день, где уяв — вдали.

Раскукуй, кукушечка, растревожь,
Ай-люли, ай-люли,
Перестанешь петь, как поспеет рожь,
А пока бросай мое сердце в дрожь,
Ай-люли, ай-люли,
Перестанешь петь, как поспеет рожь.

Ты шуми, уяв, весели родню,
Ай-люли, ай-люли, -
Перестанешь петь ты к петрову дню,
Как поспеет рожь на своем корню,
Ай-люли, ай-люли,
Перестанешь петь ты к петрову дню.

Пусть наступит он, этот день петров,
Ай-люли, ай-люли,
Принесем с собой мы вязанку дров
И барашка кровь, и барашка кровь,
Ай-люли, ай-люли,
Принесем с собой мы вязанку дров.

На уяв пойдем, жениха найдем,
Ай-люли, ай-люли,
Мал жених пока, подрастет потом,
Подрастет, потом за него пойдем,
Ай-люли, ай-люли,
Подрастет потом, за него пойдем».

И грусть протяжного напева
В словах задумчивых слышна,
И сердцу отвечает слева
Скопившаяся тишина,

Где в паузах — щебечут птицы,
Где вновь, готовы для игры,

Ребята ходят вереницей,
Образовав «Юман-варры»¹.

И не кончается веселье,
И вновь — прихлоп, и вновь — притоп,
И соловейка чистой трелью
Сменяет песенный поток.

Мелькают и кружатся пары
Так, что захватывает дух,
Ах, как легко!
Как жарко, ух!

Но в это время, точно силой
Раздвинув шум, и гам, и свист,
Влетает серебристокрылый
Бесшумный велосипедист.

Литта? Ну да, Литта, конечно!
И, обступив со всех сторон,
Его народ встречает здешний,
И снова слышен смех и звон.

И все в глаза глядят друг другу,
И снова музыка плывет.
И вновь по солнечному кругу
Идет веселый хоровод.

Но вдруг среди шума, гама, гула
(Ах, сердце глупое, не трусь!)
Меня легонечко толкнула
Светловолосая Натусь.

¹«Сердцевина дуба» — название игры. Участвующие в ней рука об руку сходятся в тесный кружок, похожий на сердцевину дерева, состоящую из колец, а потом расходятся в обратном направлении и при этом поют.

(Ах, синеглазая девчонка,
Ты улыбнулась неспроста!)
— Мишши, — и отошла в сторонку, —
Меня преследует Литта.

Он ходит по пятам, не знаю
Зачем, ума не приложу,
Ведь все равно с ним не гуляю...
Ну помоги мне, я прошу,

Не бойся, он тебя не тронет,
Побудь со мною дотемна... —
...Вновь ветерок прошел по кроне,
И зашумела вновь она.

И снова зазвучал призывно
Любимый с детства, нежный вальс.
И звуков радостные ливни
Опять обрушились на нас.

Ах, что-то будет неизбежно
(Но сердце храброе, не трусь!) —
Литта подходит к нам неспешно,
Чтоб пригласить на вальс Натусь.

Но та не повела и ухом! —
И пригласила танцевать
Меня...

И тотчас оплеуху
Я схлопотал средь бела дня.

И началась такая свалка!
Но вмиг разняли нас с Литтой.
...Из носа кровь... И кепку жалко...
Нигде нет кепки...

—Что с тобой? —

И тут при всем честном народе
(Аж сердце ёкает в груди!)
Натусь опять ко мне подходит:
«В раkitник, — шепчет, — приходи».

И снова баянист играет,
И вот уж с песней «Шевелюк»
Вновь по селу уяв шагает,
Последний завершая круг¹.

И соловьи поют на пару,
И эхо вторит голосам.
А я бегу в раkitник старый,
Зачем спешу, не знаю сам...

Ужель душа попала в сети
И ей не вырваться из пут?
(Ну и народ девчонки эти, —
Легко и просто предают.)

Гляжу — луна уже к Акташу²
Склоняется, невесела,
Когда, волненья выпив чашу,
Я подхожу к концу села.

Здесь тишина с дыханьем слиты,
И вмиг угадываю я:
Стоит Натусь в тени ракиты,
Пиге³, красавица моя.

Рука в руке, без слов, конечно,
Летим, спускаемся к реке.

¹ Почти на каждой улице процессия останавливается, делает уяв, так до самого рассвета.

² Акташ — название местности Белый Камень.

³ Пиге — красавица.

Пылают щеки, ад крошечный
И немота на языке.

И сам не свой я от волнения,
Когда, оборку теребя,
Она мне говорит в смущенье:
— Мишши, а я люблю тебя!

Ох, эти шутки мне известны!
Враз с ними попадешь впросак:
То опускают сердце в бездну,
То вдаль уносят на рысях...

(Ну нет, меня не проведете,
Уж я-то знаю что почему!
И не бывал я в переплете,
И не заманишь калачом
Меня в такие разговоры
Здесь, на глухом краю села...)
— Натусь, тебе шестнадцать скоро?
Ах, есть шестнадцать? (Ну де-ла!...)
А знаешь что, давай рассудим
С тобою так, — промямлил я, —
Уж лучше мы друзьями будем,
Ведь это ж хорошо — друзья...
А хочешь — буду старшим братом,
Твоей защитой?..

Смекай,

А я пошел, там ждут ребята...
Подумай! Ну пока... Прощай...

Натусь — ни слова, ни полслова,
А слезы по щекам — рекой.
Пошел я. Оглянулся снова, —
Стоит и машет мне рукой.

...Рассеял поздние потемки
Рассвет, и стало слышно мне:
Гость неба, жаворонок звонкий,
Рассыпал трели в вышине.

И вот уже из дальней рощи,
Что на другом краю села,
Раздался чей-то посвист тощий,
Кукушка голос подала.

И вот уже я возле дома,
Вхожу в залитый солнцем сад...
Поет петух до слез знакомо,
Как тыщу лет тому назад.

5. Дневной уяв

День клонит к вечеру, в прохладу,
Ложится солнце на крыло.
Надевши лучшие наряды,
Гуляет весело село.

Ах, как же нынче краски яркие,
Косоворотки и платки,
В платках — колхозные доярки,
В косоворотках — мужики.

Да и лужайка возле школы —
Как будто ярмарка гудит.
Цветы качаются, и пчелы
Шумят под ветками раки.

Закончен сев... Теперь поспать бы...
Но мчится свадьба, весела!

И полсела поет на свадьбе,
И на уяве — полсела.

Туда-сюда снуют мальчишки,
И слышен смех со всех дворов,
И младшие свистят братишки,
Стручки акаций распоров.

Вдруг вспомнишь, как не вполнакала,
Для нас, «батыров», не слаба,
Здесь, на поляне, возникала
Национальная борьба.

Как нас боялись все девчата
И весь собачий род села...
А впрочем, может, рановато
И вспоминать про те дела,

Про чей-то сад с тяжелой грушей,
Опустошенный огород...
(Еще, пожалуй, что и уши
Сейчас хозяин оборвет!)

И тут же вспомнишь про Эрхипа, —
Ему был дар особый дан.
Лихой и смелый, словом, глыба!
Незаменимый атаман!

Эрхип, Эрхип, тебе оттуда,
Где ты теперь, возврата нет.
Ни волшебство уже, ни чудо
Тебя не вызовут на свет.

Не походить тебе по лесу,
Не повстречать свою Марысь...

Идет давно другая пьеса,
Идет совсем иная жизнь...

И замуж вышли те девчонки,
И, взрослыми почти что став,
Уже и младшие сестренки
Теперь выходят на уяв.

Дневной уяв — сплошной экзамен:
Придирчивые старики
Здесь смотрят строгими глазами,
Сильны ли парни и ловки.

А строгие на вид бабуси
Глядят, чья дочка какова:
Ни стан, ни платье не пропустят,
Все вспомнят речи и слова.

И наблюдая, постепенно
Припоминают в свой черед
Свое девичество и пену
Своих черемух у ворот.

Свои печали, и ошибки,
И счастье молодости той,
Что просияла нежной, зыбкой,
Неповторимой красотой.

И вспомнят, может, как певали
Здесь наши деды и отцы,
Как смелыми они бывали,
Какие были молодцы, —
Стройны и высоки — куда там!
(Мы их слабей — сомненья нет!)
...Кто в сорок первом пал солдатом,
Чей позже затерялся след.

Но в тех сердцах, что их любили
Так преданно в былые дни,
Навек остались, как и были,
Двадцатилетними они.

Мне тоже двадцать лет.

На свете

Еще я мало повидал.
Но в сердце жив огонь столетий,
Что плавит юности металл.

Я на уяв спешу и с краю,
В толпе, вдруг вижу мать Литты,
С ней рядом — матушку... И знаю,
В их лицах столько красоты
И радости, — что мы пригожи
И счастливы и в этот час
Так на отцов своих похожи,
Не увидавших в жизни нас...

Мы родились в такую пору
Войны и горя и труда,
Что перед ними наши ссоры,
Все наши распри — ерунда.

И потому сегодня вместе
Поем, легко забыв раздор
И даже думы о невесте
Забыв до некоторых пор.

Дневной уяв хорош и молод.
Пусть нас оценивают, пусть
Нас в плен берут жара иль холод,
Точнее — радость или грусть.

Пусть матушка опять узнает
Свой голос в голосе твоём
И вспомнит, как листва резная
Вдруг закрывала окоём,
Когда звучала тихо-тихо
Под ветром, веющим слегка,
Не просто песня или прихоть —
Душой рожденная строка.

Пусть снова молодость вернется,
Ошеломит реальность сна.
И снова в жизнь ее ворвется
Любовь и давняя весна.

Дневной уяв хорош поляной,
Большой поляной у реки.
Ее цветы, ее туманы
Нам с малолетства всем близки.

Поляна снов, поляна счастья,
Я сам не знаю, почему
Включал в стихи тебя не часто
К стыду и горю своему.

Ты — молодости образ чудный,
Неповторимый образец,
Живой и шумно-многолюдный
Веселый праздник всех сердец.

Уяв вечерний — он особый
Имеет, как известно, нрав.
Он — репетиция, он — проба,
А сам спектакль — дневной уяв.

Я вновь описывать не стану
И песни, что вокруг поют,

И смех, звучащий непрестанно,
И праздничный, веселый люд,
Что, взявшись за руки, обходит
Вокруг села, и в этот час
В невероятном хороводе
Объединяет что-то нас,
Такое что-то, что ни словом
Сказать, ни описать пером...

...Глянь, а уяв в азарте новом
Гуляет где-то за селом,
Спеша к своей большой поляне,
Что в белой роще, в глубине,
Где темный дуб на заднем плане
Шумит и плачет, как во сне.

А вдоль березовой опушки
На старых пнях растут грибы,
И неумолчно две кукушки
Предсказывают ход судьбы.

Но мне вдруг скучно почему-то,
На сердце почему-то грусть.
И снова нет в душе уюта,
И снова на уме Натусь.

Законы сердца неподвластны
На белом свете ничему.
И сердцу то бывает ясно,
Что непонятно и уму.

И может, в пору сенокоса,
Что разгоняет вмиг хандру,
На все сердечные вопросы
Я все ответы подберу.

6. Поляна уява

В конце июня, в воскресенье
Уходит вдаль уяв дневной.
Я чую смутное волненье
И сам не знаю, что со мной.

Сегодня лес особо дорог.
И клевера, что мне по грудь.
Косой без всяких оговорок
Кошу, и мне не жаль ничуть
Ни трав густых, ни земляники...
«Вжик, вжик», — поет моя коса.
И на траве, — как в старой книге
Написано, — блестит роса.

Стоит шалаш под липой старой,
И тонкий тянется дымок,
И тут же сушат шаровары,
Снимают обувь с мокрых ног.
И пьют заваренный, как надо,
Листом смородиновым чай...

Уяв — веселье и отрада,
И речь заходит невзначай
О нем, о празднике, конечно,
О том, что позднеею порой
Он кончится во мгле кромешной,
Утихнет в полночи сырой.

Костер горит почти неслышно,
И, согреваясь у огня,
Шумит и гомонит мальчишник
В начале праздничного дня.

Вдруг слышен треск мотоциклета:
То бригадир, суров и хмур.
Что ж, почитай, что песня спета —
Закончен краткий перекур.

— Салам, Ванькка-пичче¹, — и дружно
Вдруг поднялись все парни враз:
— Тебе, начальник, видно, скучно,
Бери пример сегодня с нас!
Косить косой такие травы —
Отрада... Но всему свой час.
И все-таки в канун уява
Ты отпусти пораньше нас.

...Косили долго, до полудня.
Лес веселился, шелестел.
И пот, соленый, горький, трудный,
На лицах радостных блестел.

Мелькали девичьи косынки,
Белели платья вдалеке,
И небо цвета яркой синьки
Тонуло в голубой реке.

И пахло сено, — для колхоза
Всем миром собранное, — так,
Как пахнет только в сенокосы
И только здесь, в родных местах.

Закончили уже к обеду,
Когда взлетели у реки
Под стать сиянию и лету
Берез зеленые платки.

¹ Обращение к старшему, что-то вроде — «дядя Ваня».

Ах, полноцветная поляна,
Поляна счастья, ждет ли нас?
Сейчас не поздно и не рано
И близится уява час.

Еще чуть-чуть — и он наступит,
Раздастся звонкое «ау!»,
Но ждать его — как воду в ступе
Толочь и грезить наяву...

...Я на уяв лечу, как птица.
Там собрался уже народ.
И молодежь вокруг толпится —
Лишь ходят волны взад-вперед.

Ансамбль из Чебоксар уж прибыл,
Литта уже пустился в пляс.
И либо музыка тут, либо
Веселый слышится рассказ.

Со стороны, наверно, странно
И необычно я гляжусь:
Ища глазами на поляне
Среди цветов и трав Натусь,
Среди девчат — одну девчонку...
Ах, кто там в белом, не она ль? —
Смеется радостно и звонко,
Накинув праздничную шаль.

Смотрите, — на ее ладони
Сверкает бабочка, бела.
Вот-вот взлетит, вот-вот утонет
В сиянье света и тепла.

Да и сама она похожа
На эту бабочку сейчас

Цветастым платьем, белой кожей,
Большим сияньем синих глаз.

Природа-скульптор, светлый гений,
Тобой изваяна она,
И радость слез и вдохновенный
В ее чертах сейчас видна.

Ах, боже мой, какие дали.
Какие сказочные сны
Жизнь и природа угадали! —
И в ней они воплощены.

Взгляни, Роден, на эти плечи!
Плачь, белый мрамор, от тоски,
От радости, чтоб стало легче —
Ведь жизнь с гармонией близки.

..Так кто же это? Ах, Ирена?
Но в тыщу раз ее Натусь
Красивее... И сердцу плена
Не избежать уже! И пусть!

Мне все роднее и роднее
Становятся ее глаза,
Тугая мраморная шея,
Ковыльная, как шелк, коса.

Она притягивает взор мой,
Как сильный и живой магнит,
Я красотой смущен и взорван, —
Она пугает и манит.

— Натусь, ну здравствуй же, родная,
Дай на тебя я нагляжусь!

Дай всю запомню, всю узнаю,
Пиге, красавица, Натусь.

Ты видишь, солнышко уходит
Все дальше... И уйдет уяв
С мечтой о следующем годе,
Венки и песни растеряв.

Закончив игры и гулянье,
Пойдет и молодежь домой,
И песни свадебной сиянье
Вдруг разольется — боже мой,
Как разольется напоследок,
Не замечая ничего!
И эта песня — дивный слепок
Души народа моего.

Пойдут, боясь запрет нарушить —
Взять в руки ветку иль цветов.
Лишь музыкой наполнят души,
Лишь напоются песен впрок.

Обычай требует с уява
Идти и не глядеть назад,
На то, что слева или справа
Притягивает жадно взгляд.
(Оглянешься — умрешь!) Наверно,
Обычай этот в чем-то прав,
Хоть и наивен суеверный
Страх, провожающий уяв.

...Вот и поляна потускнела,
Все кончилось и все прошло.
Молчит кукушка онемело,
Спит мирно в сумраке село.

И что прошло, то не вернется...
Не ново? Да, пожалуй, нет.
И разве только остается
Искать свои семнадцать лет
На тех тропинках рощи белой,
Где ландыш дышит как во сне,
Где светлячок горит несмело
В ночной тягучей тишине.

Да, это все — не за горами.
И я предвижу, в свой черед,
Как неминуемо и с нами
Все это здесь произойдет.

Натусь, слеза моя и радость,
К тебе спешу, к тебе бегу.
Волнение — души награда,
И я награду берегу.

Неверья нет уже в помине,
И признаю теперь всерьез,
И верю, верю, как в святыню,
В прядь золотых твоих волос.
В глаза, глубокие, как небо,
Что учат кротости меня,
Я верю бережно и слепо,
Судьбу над счастьем накрена.

Да, ты меня преобразила!
(Я весь был — перец и огонь!)
Теперь я знаю: нежность — сила,
Когда ладонь беру в ладонь...

Уяв кончается. Айда же
Скорее в общий хоровод!
Нам не расстаться в жизни, даже

Когда и молодость пройдет,
Пройдет, как праздник, растворится,
Но все же — говорю не зря —
До самой смерти в нас продлится,
Пусть отблеском, ее заря...

7. Уяв опять

Я спал до десяти, как барин,
Забыв про целый белый свет,
Про то, что мне июль подарен
И что июня больше нет.

Я был в шанальке¹ разыскан,
Где долго нежился без дел.
И, ледяной водой обрызган,
Вскочил и враз помолодел.

Я вспомнил, что уяв не кончен —
Еще в запасе время есть!
Пусть целый день, до самой ночи,
От дома к дому ходит весть
О празднике, пускай молодки
Гурьбой по улицам идут
И в их движеньях, в их походке
Уяв сельчане узнают...

Я думал так, когда из дома
Бежал на речку босиком.
Мне было все вокруг знакомо,
И я был всем вокруг знаком.
В реке, рекой замороженный,
Я долго плавал и нырял,
И мир, как бы преобразенный,
Передо мною представал.

¹Шанальк — постель за занавесом.

Все, что недавно волновало,
Вдруг всплыло в памяти, взошло,
И обожгло меня, и стало
На тыщу верст светлым-светло.
Пора цветения черемух
Вновь залегла в душе, на дне,
Больших сиреней синий омут
Опять приблизился ко мне.
Опять я вспомнил, как, бывало,
Я уходил один в поля,
Я их исколесил немало, —
Наверно, помнит то земля...:

И помнит голос перепелки,
И жаворонка в вышине,
И лип цветущих перетолки,
И пересуды ос в окне,
И рожь в цветении и гуле,
Во ржи — тропинку, а на ней —
Меня — средь васильков в июле,
Вдали от всех других парней.

...Все скрылось, соловьи умолкли,
И теплые прошли дожди,
Туманы над рекой наволгли,
Остались годы позади.
И лишь по-прежнему поляна
Чистым-чиста, ясным-ясна.
В дубах и липах, как ни странно,
Все так же молода она,
Все в тех же желтых, или белых,
Иль синих, иль каких иных, —
В тех удивленных, оробелых,
Застенчивых цветах земных.

Все в тех же ягодах медовых,
Лесных, любимых детворой, —
То нежно-алых, то бордовых,
Рассыпанных в траве сырой...

Поляна, — сила ненаглядной,
Невероятной красоты!
Обманчивой и непонятной
Сквозь сердце вновь проходишь ты.
Поляна снов, поляна счастья,
Любви и веры через край,
Я весь в твоей судьбе и власти,
Прошу тебя, не исчезай!

Ты — чистый гимн родного края,
Родной сарышской стороны.
Ты так же (я об этом знаю!)
Была прекрасна до войны...
И девушка сюда ходила
Семнадцати неполных лет,
В руке ее сирень грустила,
Лил месяц серебристый свет.
И грусть ее заметил парень
(Я, говорят, с ним очень схож!)
...Они такую были парой,
Какой и ныне не найдешь.

Уяв, хвала тебе и слава!
Поляна, — слава и хвала
За то, что колыбелью стала
И что любовь в душе зажгла.
За то, что я на свет явился,
Спасибо вам, отец и мать,
За то, что здесь ходить учился,
Добро учился понимать...

И я один ли — в самом деле?! —
Коль вся история села
Из этой самой колыбелки,
От этой красоты пошла.
Здесь помнят все без лжи и фальши, —
Кто кем на самом деле был,
Кто с кем встречался тут, и дальше —
Когда, кого и кто любил.

...Мой род не из плохих в деревне.
Был предок назван мой — Юман,
Что значит дуб. Седой и древний
Род бабушки моей — Турхан.
Но наш рассказ — о сыне сына
Юмана, то есть о Каври,
О песне, что поют и ныне
В чувашских селах косари.

*8. „Посреди лесов,
в Саврашбуси...“*

Немало побродил по свету,
Немало видел Кергури,
Но позабыть обиду эту
Не смог до смерти сын Каври.

...Он любит умницу и скромницу
С косой пшеничной — Минсулу.
Но девушка его сторонится,
И ходят слухи по селу,
Что богатей, отец красавицы,
Ей ищет женихов иных.
С ним Минсулу не может справиться, —
И сын Каври — ей не жених.
Она сидит в дому, как пленница,
А посреди села — уяв
Бушует, и горит, и пенится,

Цветы и песни растеряв.
Чуваша ей нашли богатого
И некрещеного к тому ж!
Все понял Кергури: сосватана,
Он — в дураках, и счастлив муж,
Тот, будущий... «Ах, ночка злая,
Зачем была так коротка,
Когда лежала, лжи не зная,
В моей руке — ее рука...
Ах, Минсулу, тебя бы встретить
Хоть раз, поговорить с тобой,
Как прежде, — чтобы тихий ветер
Вновь уводил своей тропой
В широкие луга, где были
С тобой мы счастливы и где
Слова друг другу говорили,
Написанные на воде, —
Напрасные слова, как видно!
Нас разнесло по свету, и —
Теперь мне грустно и обидно
За все мечты и сны свои...» —

Так думал Кергури, покуда
Шел на уяв, где хоровод
Был просто воплощеньем чуда,
Напоминал движенье вод.
Он волновал сердца и души,
Он разливался по селу...

«Беги скорей к ветле Пикмуша¹ —
Там скоро будет Минсулу...» —
Внезапно Кергури услышал
От тихой девушки... Она —

¹ Пикмуш — так называют старую иву — дерево, почтительное у чувашей.

«Беги!» — шепнула еще тише.

«Беги!» — И снова тишина.

Он полетел, почти как птица,
И впрямь увидел у ветлы
Любимую... Она зарницы
Была бледнее, и светлы —
Ковыльны волосы, ресницы —
Темны, и на груди — коса...
Такая — коль во сне приснится,
То мигом ослепит глаза.

Он подошел... И — онемела.
Потом промолвила едва:
«Ах, Кергури, ах, сокол смелый,
Прости... Пойми мои слова...
Пришла пора сказать правдиво —
Будь другом мне и братом будь...
Пусть сердцу будет сиротливо —
Не осуждай меня ничуть...
Мне лоб Захар...»

И я любима...

Но не Захару отдает

Меня отец...» —

Он смотрит мимо

И, не дослушав, прочь идет.

Всю ночь душа его рыдала,
Всю ночь писал он ей ответ,
Извел чернил и слез немало,
Но утром в мир пришел поэт.

То были не стихи, а песня.

И, может быть, само перо

Нашло и голос поднебесный,

И звук, живой, как серебро.

Огня хватило, и отваги,
И вдохновенья. Но сперва
Он столько перевел бумаги,
Чтоб нужные найти слова.
Мелодию душа узнала
Сама, сама ее нашла.
Та заискрилась, засияла,
В людские души потекла.

И скоро сорок лет тому, как
Течет, подобная реке,
Та песня, музыка, та мука,
Звучит на нашем языке.

Уж Кергури на свете нету
И нет Захара...

Минсулу —

За шестьдесят...

Но песню эту

Другие водят по селу
Все с той же болью и волненьем,
Души и сердца не тая...
Ее другие поколенья

Поют, а вместе с ними — я:

«Посреди лесов, подле чистых рек
Под прикрытием полумесяца
Полюбил ее я в семнадцать лет,
Но не помню час и забыл я день.

Проходил семик, наступал уяв,
Помню, брал гармонь, на поляну шел,
На поляну шел, где до поздних звезд
Пела всласть она, синеглазая...

На груди ее ветер вольный спал,
И я слышал, как среди полночи

Слово выпало из невинных уст,
Слово тихое: «Я навек твоя».

Но пришел октябрь, выпал первый снег,
Мою милую, синеглазую,
Выдать силою порешил отец
За богатого, нелюбимого.

Ах, обычай злой, злое прошлое!..
Загубили жизнь моей суженой
Да за горсть монет, лишь за горсть монет
Да за три ведра горькой водочки...»

9. Низкий поклон

Мой род не из плохих в деревне.
Был предок назван мой — Юман,
Что значит дуб...

Седой и древний
Род бабушки моей — Турхан.

У нас в роду не месть, а нежность
В цене, и ей одной почет,
Душе — почет, — ее безбрежность
Поэта тотчас выдает.

Поэтов многие боятся
За то, быть может, что они
Ни слез, ни правды не страшатся,
Что все крылаты искони.

Быть может, я своею песней
Прославить вас и не смогу,
Но имена светло и честно
В стихе надолго сберегу, —

Ах, Минсулу, Натусь, иные —
Кто был и будет впереди,
С кем я делил часы земные,
С кем поделю еще в пути.

Ах, счастье, царь мечты лукавой,
Пускай ты виделось иным...
Сегодня — ни любви, ни славы, —
И не тоскую я по ним!

За слишком солнечное небо
Поэтов иногда бранят...
Ну а без солнца — жизнь нелепа:
То дождь, то снег, то снег, то град...

Так что ж, ругайте и браните, —
Такая строгость мне с руки! —
В поэзию меня вводите
Своим сомнением, земляки,
Поклон вам всем! Я верю, будет
В моей судьбе счастливый день —
Меня поймут и вспомнят люди
Чувашских сел и деревень...

Содержание

I

Моей Чувашии. Перевод А. Боброва	3
Питабай и Аспарух. Перевод А. Боброва	4
Чебоксарское море. Перевод А. Боброва	5
Когда жил в деревне. Перевод А. Боброва	6
Мой корень. Перевод А. Боброва	7
Ага-Базар. Перевод А. Боброва	8
В Суваре. Перевод А. Боброва	9
Всей душой. Перевод А. Боброва	10
Песня призывника. Перевод А. Боброва	10
Прощание со стадом. Перевод М. Шаповалова	11
Дороги. Перевод А. Боброва	12
Лунный свет на Волге. Перевод М. Шаповалова	13
Мартовское поле. Перевод М. Шаповалова	14
В отчем доме. Перевод М. Шаповалова	15
Сосны шумят. Перевод М. Шаповалова	16
Ночь. Перевод М. Шаповалова	17
Весенняя фантазия. Перевод М. Шаповалова	18
Кукует ли кукушка... Перевод М. Шаповалова	18
Благословите. Перевод М. Шаповалова	19
Ржаное поле. Перевод А. Боброва	20
Цветы. Перевод А. Боброва	21
Омут. Перевод А. Боброва	22
Луна скрылась. Перевод А. Боброва	22

Вечер детства. Перевод А. Боброва	23
Полная луна. Перевод А. Боброва	23
Южный ветер. Перевод А. Боброва	24
Дитя ветра. Перевод А. Боброва	25

II

Родной мир. Перевод А. Боброва	26
Фестиваль. Перевод А. Боброва	27
Волны. Перевод А. Боброва	28
Ночью. Перевод А. Боброва	28
Вечером. Перевод А. Боброва	29
Фонари. Перевод А. Боброва	30
«Не было б меня...» Перевод А. Боброва	30
«Не жалея, лей, мой дождь!..» Перевод М. Шаповалова	31
Шестистишия	
«Для дома нового, мой друг...» Перевод М. Шаповалова	32
«Лети, мой лебедь...» Перевод М. Шаповало- ва	32
«Хожу смотреть по вечерам...» Перевод М. Шаповалова	32
«Шторм или ад...» Перевод М. Шаповалова	33
Баллада о бесконечном. Перевод М. Шапова- лова	33
Озеро посреди степи. Перевод М. Шапо- валова	34
Звезда моя. Перевод М. Шаповалова	35
Золотой песок. Перевод М. Шаповалова	36
«Когда выводит ласточка птенцов...» Перевод М. Шаповалова	37
Запретное. Перевод М. Шаповалова	37
Раскаяние. Перевод А. Боброва	38
Реквием. Перевод М. Шаповалова	39
Ясная осень. Перевод М. Шаповалова	41

Обновление. Перевод А. Боброва	41
«Когда один, — бываю тих...» Перевод М. Шаповалова	42

III

Песня джигита. Перевод А. Боброва	44
Парень. Перевод А. Боброва	44
Поют девчата. Перевод А. Боброва	46
Возлюбленная. Перевод А. Боброва	46
Зазноба. Перевод А. Боброва	47
Спасибо! Перевод А. Боброва	47
Расписные сани. Перевод А. Боброва	48
«Хорошо в саду вишневом...» Перевод М. Шаповалова	48
Лес. Перевод М. Шаповалова	49
Сад. Перевод М. Шаповалова	50
«Ждала, ждала — завидное терпенье...» Перевод А. Боброва	50
Без тепла. Перевод А. Боброва	51
Отныне. Перевод А. Боброва	52

IV

Поляна уява. Лирическая поэма. Перевод Н. Кондаковой	53
--	----

Михаил Сениэль
(Михаил Павлович Егоров)

ЛУННЫЕ НОЧИ
Стихотворения и поэма

Рецензент **В. Ермаков**
Редактор **Г. Иванов**
Художник **В. Великжанин**
Художественный редактор **Е. Андреева**
Технический редактор **Л. Дунаева**
Корректор **Н. Волошинова**

ИБ № 2938 . Сдано в набор 07.01.83. Подписано к печати 01.04.83. А06568. Формат 70×90/32. Гарнитура от нов. Печать высокая. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 3,5. Усл. краск.-отт. 3,78. Уч.-изд. л. 3,65. Тираж 10 000 эк. Заказ 93. Цена 45 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии, книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

390012, Рязань, Новая, 69/12
Рязанская областная типография



Михаил Сениэль — чувашский поэт и прозаик. Родился в 1940 году в деревне Урмандеево Татарской АССР. Первая книга поэта «Удача» на русском языке вышла в издательстве «Современник» в 1978 году.

«Лунные ночи» — второй сборник стихов М. Сениэля, переведенный русскими поэтами Надеждой Кондаковой и Александром Бобровым.